

Клодиус Бомбарнак / роман

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Клодиус Бомбарнак / роман КЛОДИУС БОМБАРНАК

1.

Клодиусу Бомбарнаку, репортеру «XX века»

Тифлис, Закавказская область.

Этот адрес был указан на депеше, ожидавшей меня в Тифлисе, куда я прибыл 13 мая. Распечатав ее, я прочитал:

«Клодиус Бомбарнак должен оставить все дела и 15 числа текущего месяца находиться в порту Узун-Ада на Каспийском море. Там он сядет в прямой Трансазиатский поезд, соединяющий Европейскую границу со столицей Поднебесной Империи (прежнее название Китая). Поручается передавать впечатления в форме хроникальных заметок, интервьюировать в пути достойных внимания лиц, сообщать о любых происшествиях в письмах или телеграммах, в зависимости от срочности. «XX век» рассчитывает на усердие, сообразительность, ловкость своего корреспондента и предоставляет ему неограниченный кредит».

Вот так-так! А я только сегодня утром прибыл в Тифлис с намерением провести там три недели, затем посетить грузинские провинции, поработать на пользу моей газеты и, как я надеялся, также и на пользу моих читателей.

Сколько всяких неожиданностей и случайностей в жизни странствующего репортера!

В ту пору русские железные дороги были уже соединены с Кавказской линией Поти – Тифлис – Баку. После долгого и интересного путешествия по Южной России я собирался хорошенько отдохнуть в Тифлисе... И вот, неугомонный редактор «XX века» дает мне только полдня на остановку в этом городе! Не успев еще осмотреться и распаковать чемодан, я вынужден снова пуститься в путь! Но что поделаешь? Ведь надо удовлетворять современные требования репортажа – как можно больше свежих и

живых новостей!

Между тем я постарался запастись самыми разнообразными сведениями – и географическими, и этнографическими – относительно Закавказской области.

Стоило ли мне в таком случае узнавать, что меховая шапка, какую обычно носят горцы и казаки, называется «папахой», что стянутую в талии верхнюю одежду с пришитыми на груди гнездами для патронов одни называют

«черкеской», а другие «бешметом»! К чему мне теперь знать, что грузины и армяне надевают островерхие шапки в виде сахарной головы, что купцы носят

«тулупы» – нечто вроде шубы из бараньей шкуры, а курды или персы щеголяют в «бурках» – шерстяных накидках.

А «тассакрави» – головной убор прелестных грузинок, состоящий из тонкой ленты, шерстяной вуали и кисеи, который им так к лицу! А их яркие платья с широкими прорезями на рукавах; их «шальвары», опоясанные у талии; летние одежды из белой бумажной ткани, а особенно зимние – из бархата, отороченные мехом и украшенные серебряными позументами и, наконец,

«чадра», закрывающая голову до глаз. Все это я старательно занес в свою записную книжку, но к чему мне теперь рассказывать о грузинских модах?

И все же, хочется вам сообщить, что в национальные оркестры входят «зурны» – нечто вроде пронзительных флейт-«саламурн», напоминающие писклявые кларнеты, мандолины с медными струнами, по которым водят пером, «чианури», своеобразные скрипки, которые во время игры держат вертикально между колен, и, наконец, «димплипито» – род цимбал, грохочущих словно град по оконным стеклам.

Примите также к сведению, что «шашка» – не что иное, как сабля, висящая на перевязи, расшитой серебром и украшенной металлическими инкрустациями;

что «кинжал» или «канджнар» – нож, который носят на поясе и что вооружение кавказского солдата дополняется еще длинным ружьем с узорчатой чеканкой на стволе из дамасской стали.

Могу еще вам сказать, что «тарантас» – это дорожная повозка на пяти деревянных рессорах, расположенных между широко

расставленными небольшими колесами, что запрягают в нее тройку лошадей, а правит ими «ямщик», сидящий впереди на козлах. Когда же приходится брать у «смотрителя» – то есть начальника почтовой станции на Кавказских дорогах – четвертую лошадь, то к ямщику присоединяют еще одного возницу – «форейтора».

Так знайте же, что верста равна одному километру шестидесяти семи метрам, что кроме оседлых народностей в Закавказье есть и кочевые: калмыки

– их насчитывается пятнадцать тысяч, киргизы мусульманского вероисповедания – восемь тысяч, кундровские татары – тысяча сто человек, сартовские татары – сто двенадцать человек, ногайцы – восемь тысяч пятьсот и, наконец, туркмены – около четырех тысяч! (нужно учесть, что Клодиус Бомбарнак приводит вымышленные сведения)

И вот, после того, как я так добросовестно изучил Грузию, какой-то «указ» заставляет меня ее покинуть. У меня даже не хватит времени подняться на вершину Арарата, где на сороковой день всемирного потопа остановился Ноев ковчег, этот первобытный баркас знаменитого библейского патриарха!

Ничего не поделаешь, придется отказаться от публикации моих путевых заметок о Закавказье и потерять добрую тысячу строк, для которых в моем распоряжении было не менее тридцати двух тысяч полноценных слов, признанных Французской Академией (имеется в виду нормативный словарь французского языка, выпущенный Французской Академией).

Это жестоко, но спорить не приходится!

Прежде всего я должен узнать, в котором часу выходит из Тифлиса Каспийский поезд.

Тифлисский вокзал – железнодорожный узел, соединяющий три ветки: Западную, которая кончается в Пота, порту на Черном море, где высаживаются пассажиры, приезжающие из Европы; Восточную, идущую до Баку, откуда отбывают пассажиры, которым нужно переправиться через Каспий, и недавно проложенную линию Владикавказ – Тифлис, длиной в сто шестьдесят четыре километра, связывающую Северный Кавказ с Закавказьем. Эта линия на высоте четырех тысяч пятисот футов пересекает Архотское ущелье, соединяя грузинскую столицу с рельсовыми

путями Южной России (такой железной дороги нет до сего времени).

Я бегу на вокзал и врываюсь в зал отправления.

– Когда отходит бакинский поезд? – спрашиваю я у железнодорожного служащего.

– А вы едете в Баку? – отвечает он вопросом на вопрос и окидывает меня через свое окошечко таким неодобрительным, строго официальным взглядом, какой всегда сверкает из-под козырька русской форменной фуражки.

– Полагаю, – сказал я, с несколько излишней живостью, – что ездить в Баку не возбраняется?

– Не возбраняется, – сухо ответил он, – но при условии, что паспорт у вас будет в полном порядке.

– Он и будет в порядке, – обрезал я этого грозного чиновника, который, как и все они на святой Руси, скорее походил на жандарма.

И я снова спрашиваю, когда отходит бакинский поезд.

– В шесть часов вечера, – отвечает он.

– А когда прибывает на место?

– Назавтра, в семь утра.

– А я поспею на пароход, отправляющийся в Узун-Ада?

– Поспеете.

И чиновник механическим кивком отвечает на мой поклон.

Вопрос с паспортом меня совсем не тревожит: французский консул снабдит меня всеми документами, которые требует русская администрация. Но выехать нужно в шесть часов вечера, а теперь уже девять утра!

Что ж, если в некоторых путеводителях сказано, что Париж можно осмотреть за два дня, Рим – за три, а Лондон за четыре, то будет очень странно, если для Тифлиса не хватит нескольких часов.

Черт побери, на то я и репортер!

Моя газета потому и послала меня в Россию, что я бегло говорю по-русски, по-английски и по-немецки. Нельзя же требовать от репортера, чтобы он знал несколько тысяч наречий, которые служат средством для выражения мысли во всех частях света! Впрочем, владея этими тремя языками и еще французским в

придачу, смело можно разъезжать по обоим континентам.

Правда, есть еще турецкий язык, из которого я запомнил всего несколько выражений, и китайский, на котором я не могу обмолвиться ни единым словом.

Но, думаю, что легко обойдусь и без них в Туркестане и Поднебесной Империи. Недостатка в переводчиках не будет, и я надеюсь не упустить ни одной интересной подробности из моего путешествия по Великой Трансазиатской магистрали.

Я умею видеть все и все увижу! Скажу откровенно, я принадлежу к тому сорту людей, которые считают, что все на свете служит материалом для репортажа и что земля, луна, небо и сама вселенная только для того и созданы, чтобы давать темы для газетных статей. Значит, и мое перо не будет бездействовать!

Но прежде, чем приступить к осмотру Тифлиса, нужно покончить со всеми формальностями. К счастью, мне не придется добывать «подорожную», без которой нельзя было путешествовать по России в прежние времена, времена курьеров и почтовых лошадей. Этот всемогущий документ устранял любые препятствия, обеспечивал быструю смену лошадей, вежливое обращение почтовых чиновников и такую скорость передвижения, что пассажир с хорошими рекомендациями мог проехать за восемь дней и пять часов две тысячи семьсот верст, отделяющих Тифлис от Петербурга. Но как трудно было получить подорожную!

Теперь же достаточно иметь право на проезд – обыкновенный пропуск, свидетельствующий, что вы не вор, не убийца, не политический преступник, а являетесь тем, кого в цивилизованных странах принято считать порядочным человеком. Благодаря помощи, которую мне окажет французский консул, моя особа будет отвечать всем требованиям российской администрации.

Это стоило мне двух часов и двух рублей. Затем, наострив глаза и уши и взяв, как говорится, ноги в руки, я отдаюсь осмотру грузинской столицы. Я не переносу проводников и отлично обхожусь без их услуг. По правде говоря, я и сам мог бы провести любого иностранца по всем закоулкам Тифлиса, так тщательно изученного мною заранее. Это уж от природы: я всегда свободно ориентируюсь.

И вот, иду я куда глаза глядят и прежде всего набредаю на «думу», здание муниципалитета, где заправляет всеми делами городской «голова» или, по-нашему, мэр. Если бы вы любезно согласились меня сопровождать, я повел бы вас к Красной горе на левом берегу Куры. Это местные Елисейские поля, нечто вроде сада Тиволи в Копенгагене или ярмарки на Бельвильском бульваре, с их качелями, равномерные взмахи которых вызывают ощущение, сходное с морской болезнью. И всюду среди пестрых ярмарочных балаганов расхаживают нарядно одетые грузинки и армянки, с непокрытыми лицами, что служит признаком христианского вероисповедания.

Что касается мужчин, то они не уступают Аполлону Бельведерскому, только одеты куда сложнее и выглядят, как настоящие князья. Я даже спрашиваю себя – не так ли это в действительности и не ведут ли они свой род от... Но к генеалогии вернемся позже. А теперь продолжим нашу прогулку, да побыстрее.

Одна потерянная минута – десять строк репортажа, а десять строк репортажа это... это зависит от щедрости газеты и великодушия ее редактора.

Но поспешим в большой караван-сарай. Там останавливаются купцы со всех концов азиатского континента. Я вижу, как подходит караван с армянскими товарами. А вот отправляется другой, и в нем торговцы из Персии и русского Туркестана. Как бы мне хотелось прибыть с одним и пуститься в странствия с другим! Но это невозможно, и я очень сожалею. После прокладки Трансазиатской железной дороги почти исчезли нескончаемые вереницы всадников, пешеходов, лошадей, верблюдов, ослов и повозок. И все же я не боюсь, что от этого мое путешествие по Центральной Азии будет менее занятным: Репортер «XX века» сможет сделать его интересным!

А вот базары с тысячами разнообразных товаров из Персии, Китая, Турции, Сибири, Монголии. Какое изобилие тканей, привезенных из Тегерана, Шираза, Кандагара и Кабула! Чудесные по выработке и по сочетанию красок ковры, яркие шелка, которым, однако... далеко до лионских.

Соблазнюсь ли я?.. Ни за что! Путешествовать от Каспийского

моря до Поднебесной Империи, увешанным пакетами, – нет уж, увольте! Легкий чемоданчик в руке и дорожный мешок за плечами – этого вполне достаточно. А белье и всякие мелочи я добуду в пути, как делают всегда англичане.

А теперь остановимся перед знаменитыми тифлисскими банями, где используют воду горячих источников, достигающую шестидесяти градусов по Цельсию. Там применяются усовершенствованные способы массажа, гимнастические упражнения для выпрямления позвоночника и вправления костей. Мне вспомнилось, как красочно описывал тифлисские бани наш великий Дюма, чьи путешествия никогда не обходились без приключений. Он просто выдумывал их по мере надобности, этот гениальный предшественник современного репортажа – репортажа «на всех парах» (знаменитый французский романист Александр Дюма (1802-1870) в свои путевые записки о России действительно ввел много выдумки и небылиц). Но мне-то некогда подвергать себя массажу, вправлению костей и выпрямлению позвоночника!

А вот и «Hotel de France»! («Отель де Франс» – гостиница в Тифлисе) И где только не встретишь гостиниц с подобным названием! Я вхожу и заказываю себе завтрак – завтрак по-грузински с кахетинским вином, от которого будто бы не хмелеют, если его не нюхать. Но это довольно затруднительно, так как подают его в сосуде с широким горлом, куда нос попадает раньше губ.

Говорят, это любимый сорт вина уроженцев Закавказья. Что касается русских, то они люди воздержанные и довольствуются крепким чаем, впрочем, не без некоторого прибавления «водки», этой московской «воды жизни» (водка по-французски – L'eau de vie, что буквально означает «вода жизни»).

Как француз, и даже гасконец, я довольствуюсь тем, что выпиваю бутылку кахетинского, как мы пивали наш шато-лафит в те благословенные времена, когда солнце способствовало его изготовлению на склонах Польяка. И в самом деле, терпким кавказским вином очень приятно запивать вареную курицу с рисом, отчего это блюдо, называемое «пилавом», приобретает особый вкус.

С завтраком покончено. А теперь смешаемся с шестьюдесятью

тысячами разноплеменных жителей грузинской столицы и углубимся в лабиринт ее узких извилистых улиц.

Выхожу на посыпанную песком площадь, где лежат сотни верблюдов, вытянув голову и подогнув передние ноги. А раньше их было видимо-невидимо. Но с тех пор, как построили Закаспийскую железную дорогу, число этих горбатых носильщиков заметно поубавилось. Разве могут простые вьючные животные выдержать конкуренцию с багажными и товарными вагонами!

Спускаюсь по улицам и выхожу к набережной Куры, русло которой делит город на две неравные части. С обеих сторон громоздятся дома, лепятся друг на друга, возвышаются один над другим. Вдоль берегов расположены торговые кварталы. Везде царит оживление, торговцы разносят вино в мехах, надутых, как воздушные шары, и воду в бурдюках из буйволового кожи, к которым приделана кишка, напоминающая слоновий хобот.

Бреду дальше. *Errare humanum est* (человеку свойственно ошибаться (лат.)); здесь игра слов: ошибаться, заблуждаться и блуждать, сбиться с пути), как обычно говорят ученики коллежей из Бордо, слоняясь по набережным Жиронды.

– Сударь, – обращается ко мне какой-то невзрачный, но с виду очень добродушный еврей, указывая на соседний дом, на мой взгляд, самый заурядный, – вы иностранец?

– Несомненно.

– Тогда остановитесь на минутку и полюбуйтесь этим домом.

– А чем тут любоваться?

– Как же, здесь жил знаменитый тенор Сатар, тот самый, что брал грудное контра-фа... А сколько ему платили за это!

Пожелав достойному патриарху взять контра-соль и получить за это больше, я стал подниматься на гору над правым берегом Куры, чтобы полюбоваться открывающейся оттуда панорамой.

Достигаю вершины, останавливаюсь на маленькой площадке и под мелодичные звуки стихов Саади, этого чудесного персидского поэта, которые с пафосом читает какой-то бродячий актер, начинаю обозревать закавказскую столицу.

То же самое я собираюсь повторить через две недели в Пекине, а пока в ожидании пагод и ямыней Поднебесной Империи, осматриваю то, что открывает взору Тифлис: крепостные стены, колокольни

храмов, принадлежащих разным исповеданиям, архиерейский собор с двойным крестом на куполе, дома русской, персидской или армянской архитектуры; вместо крыш все больше террасы, почти нет фасадов, украшенных орнаментом, но зато везде крытые веранды и балконы, прикрепленные к стенам всех этажей; выделяются две резко разграниченные полосы зданий: нижняя, в старом грузинском стиле, и верхняя, более современная, пересеченная длинным бульваром, усаженным красивыми деревьями, среди которых вырисовывается дворец генерал-губернатора – князя Барятинского... В общем получается впечатление неправильного, капризного, полного неожиданностей рельефа, какого-то чуда неровности, обрамленного на горизонте величественной горной грядой.

Но скоро уже пять часов. Пора прервать этот поток описательных фраз.

Спускаясь в город, спешу на вокзал.

На вокзале столпотворение: армяне, грузины, мингрелы, татары, курды, евреи, русские с берегов Каспийского моря. Одни берут билеты до Баку, другие – до промежуточных станций.

На этот раз ко мне трудно придраться. Ни чиновник, похожий на жандарма, ни даже сами жандармы не смогли бы воспрепятствовать моему отъезду.

Я получаю билет в вагоне первого класса до Баку, выхожу на платформу и направляюсь прямо к поезду. Следуя своей привычке, устраиваюсь в уголке довольно комфортабельного купе. За мной входят еще несколько пассажиров, а вся пестрая разноязычная толпа заполняет вагоны второго и третьего класса.

Обход контролера, и двери закрываются. Последний удар колокола возвещает отправление...

Вдруг раздаются возгласы, в которых гнев смешивается с отчаянием.

Кто-то кричит по-немецки:

– Подождите!.. Подождите!..

Опускаю окно и смотрю.

Толстый мужчина с чемоданом в руке и нахлобученной на голову шапкой-каскай мчится во всю прыть, задыхаясь и путаясь в складках широкого плаща. Он опаздывает.

Железнодорожные служащие пытаются его остановить. Но где там! Попробуйте удержать летящую бомбу. И на этот раз, как всегда, сила оказывается выше права.

Тевтонская бомба описывает параболу и врывается в соседнее купе через дверь, вовремя открытую каким-то любезным пассажиром.

В ту же секунду поезд вздрагивает, трогается с места и постепенно набирает скорость...

Путешествие началось.

2.

Должен вам сказать, что отбыли мы с трехминутным опозданием. Репортер, не признающий точности, подобен геометру, пренебрегающему в своих вычислениях десятой долей величины. Три минуты опоздания и помогли энергичному немцу стать нашим попутчиком. Я чувствую, что он даст хороший материал для моих путевых заметок.

В мае под этими широтами в шесть часов вечера еще совсем светло. Я достаю справочник и сверяюсь с приложенной к нему картой, которая позволяет проследить, станция за станцией, весь маршрут от Тифлиса до Баку. Не знать, в каком направлении движется поезд и когда локомотив поворачивает на северо- или на юго-восток, было бы для меня невыносимым, тем более, что скоро наступит ночь, а глаза мои не приспособлены к темноте, как у домашних кошек, филинов и сов.

Из моего путеводителя я прежде всего узнаю, что рельсовая дорога почти параллельна гужевой, соединяющей Тифлис с Каспийским морем. Обе они проходят через Навтлуг, Пойли, Акстафа, Долляр, Елизаветполь (ныне Кировабад, Азербайджан), Курдамир, Аляты, Баку и пересекают долину Куры.

Железной дороге ни в коем случае не следует уклоняться в сторону. По возможности она должна идти по прямой линии. Закавказская дорога полностью отвечает этим требованиям.

Среди перечисленных станций мое внимание привлекает одна – Елизаветполь. До получения депеши от «XX века» я предполагал провести там целую неделю. Такие соблазнительные описания – и

только пятиминутная остановка между двумя и тремя часами ночи! Вместо сверкающего под солнечными лучами городского пейзажа увидеть лишь неясные очертания, едва различимые при бледном свете луны!

Отложив в сторону справочник, я начинаю разглядывать своих попутчиков.

Нас четверо, и мы, естественно, занимаем все четыре угла нашего купе. Я занял место у окна, по направлению движения поезда.

В разных углах, друг против друга дремлют двое пассажиров. Едва войдя в вагон, они надвинули на глаза шапки и завернулись в одеяла. Насколько я мог догадаться – это грузины и, по-видимому, из породы тех счастливых путешественников, которые способны спать всю дорогу и проснуться лишь по прибытии на место. Из таких людей ничего не вытянешь, для них вагон – не средство передвижения, а просто постель.

Напротив меня – мужчина лет тридцати двух – тридцати пяти, совсем иного типа. В нем нет ничего восточного: рыжая бородка, очень живой взгляд, нос как у гончей, рот, готовый заговорить в любую минуту, руки – обменяться с кем угодно дружеским рукопожатием; это человек высокий, стройный, широкоплечий, с могучим торсом. Уже по одному тому, как он расположился, поставил саквояж и расстегнул клетчатую шотландскую куртку, я узнал англосаксонского «travellera» (путешественника (англ).), привыкшего к продолжительным путешествиям и проводящего больше времени в поезде или в каюте парохода, нежели в своем собственном комфортабельном «home» (доме (англ).), если предположить, что таковой у него имеется. Должно быть, он разъезжает по торговым делам. Я с любопытством наблюдаю, как он выставляет напоказ целую витрину драгоценностей: перстни на пальцах, булавку в галстук, запонки с искусно вделанными в них фотографическими видами городов, часовую цепь на жилете с бряцающими на ней брелоками. Хотя у него нет ни серег в ушах, ни кольца в носу, я не удивлюсь, если он окажется американцем, больше того, настоящим янки.

Вот мне и не придется сидеть сложа руки. Разве не долг

репортера, которому необходимо получить очередное интервью, прежде всего разузнать, кто его попутчики, откуда и куда они едут? Итак, начну с моего соседа по купе. Полагаю, что это будет совсем не трудно. Он не собирается ни спать, ни заниматься созерцанием ландшафта, освещенного лучами заходящего солнца.

Если я не ошибаюсь, он настолько же расположен мне отвечать, как я задавать ему вопросы, и наоборот.

Я готов уже приняться за дело... Но тут меня останавливает опасение. А что если этот американец – могу держать пари, что он американец, – окажется репортером, посланным каким-нибудь «World» или «New York Herald»

(«Мир», «Нью-йоркский вестник» – американские газеты) по пути следования Трансазиатского поезда? Это привело бы меня в ярость. Не хватало мне только соперника!

Я продолжаю колебаться. Спросить или не спросить? Скоро наступит ночь.

Наконец, решившись, я собираюсь открыть рот, но сосед меня опережает.

– Вы француз? – спрашивает он на моем родном языке.

– Да, сэр, – отвечаю я по-английски.

Теперь-то мы найдем общий язык!

Лед был сломан, и с той и с другой стороны посыпались вопросы. Поневоле вспомнишь восточную поговорку: «Глупец за один час задаст больше вопросов, чем умный за год».

Но так как ни я, ни мой попутчик не выдаем себя за мудрецов, то мы можем болтать, сколько бог на душу положит, перемешивая идиомы (идиома – своеобразное выражение, свойственное только данному языку) обоих наших языков.

– Wait a bit! (Подождите немного! (англ.)) – говорит мой американец.

Я подчеркиваю этот оборот, так как он будет часто повторяться.

– Wait a bit! Готов биться об заклад – один против десяти, что вы репортер!..

– И вы выиграете!.. Да... действительно репортер. Газета «XX век» поручила мне ознакомиться с новым маршрутом и подробно рассказать обо всех дорожных приключениях.

– Вы едете до Пекина?

– Да, до Пекина.

– Так же, как и я, – замечает янки.

Этого-то я и боялся.

– Мы коллеги? – спрашиваю я, настороженно сдвинув брови.

– Нет... Успокойтесь, сударь... Наши интересы не соприкасаются.

– Клодиус Бомбарнак из Бордо. Рад случаю путешествовать вместе с мистером...

– Фульк Эфринель из торгового дома «Стронг Бульбуль и Ко» в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, США.

Он не забыл добавить – США.

Вот мы и представились друг другу. Я – охотник за новостями, а он – искатель... Но чего? Это мне и остается узнать.

Беседа продолжается. Фульк Эфринель, как легко догадаться, понемногу путешествовал везде и, по его словам, «даже дальше». Он знает обе Америки и почти всю Европу. Но в Азию он отправляется впервые. И он все говорит, все говорит, и повторяет свое неизменное «Wait a bit!». Не обладает ли Гудзон тем же свойством, что и Гаронна, поставляющая свету хорошо подвешенные языки?

Он болтал без умолку в течение двух часов. Мне едва удавалось различать названия станций, которые объявлялись на каждой остановке: Навтлуг, Поили и другие. А ведь я так хотел любоваться пейзажами при лунном свете и попутно кое-что записать в свою памятную книжку.

К счастью, мой собеседник уже проезжал по восточным провинциям Грузии.

Он обращает мое внимание на особенности местного ландшафта, указывает селения, реки, проступающие где-то на горизонте силуэты гор. А я еле успеваю все это заметить. Противная вещь железная дорога! Едешь, прибываешь на место, ничего толком не увидев в пути.

– Разве это путешествие?! – восклицаю я. – То ли дело езда на почтовых, на тройке, в тарантасе, с забавными встречами на постоянных дворах, переменами лошадей, водкой, которую хлещут ямщики; а иногда... и с «благородными разбойниками», подстерегающими вас на пути! Впрочем, разбойников с большой

дороги в наш век становятся все меньше и меньше, и скоро они окончательно исчезнут.

– Господин Бомбарнак! – обращается ко мне Фульк Эфринель. – Неужели вы серьезно обо всем этом жалеете?

– Совершенно серьезно, – отвечаю я. – Вместе с преимуществами прямого рельсового пути, мы потеряли живописность наших прежних дорог, причудливо извилистых, образующих кривые и ломаные линии. И скажите на милость, господин Эфринель, разве вы не чувствуете никакого сожаления, читая о путешествиях по Закавказью, совершенных лет сорок назад? Увижу ли я хоть одну из деревень, населенных казаками, одновременно и воинами, и земледельцами? Смогу ли я полюбоваться кавказскими играми, которые приводили в восхищение всех туристов, особенно «джигитовкой», когда всадники, стоя на лошадях, без промаха мечут кинжалы и разряжают пистолеты; и те же джигиты составляют ваш эскорт, если вы путешествуете в обществе русского чиновника или офицера из «станции».

– Не спорю, мы действительно теряем много интересного, – отвечает мой янки. – Но зато, благодаря этим железным лентам, которые в конце концов опояшут весь земной шар, как бочку с сидром или матерчатый мячик, мы за тринадцать дней преодолеем расстояние от Тифлиса до Пекина. Поэтому, если вы рассчитывали на приключения, искали развлечений...

– Разумеется, господин Эфринель!

– Иллюзии, господин Бомбарнак! Ни с вами, ни со мной ничего особенного не случится. Wait a bit! Я предрекаю вам самое монотонное, самое прозаическое, самое будничное и, наконец, самое скучное путешествие, плоское, как Каракумские степи, которые мы пересекаем в Туркестане, ровное, как пустыня Гоби, которую мы пересекаем в Китае.

– Поживем – увидим. Ведь я путешествую только для того, чтобы развлечь моих читателей...

– Я же путешествую только ради своих собственных дел, – заявляет янки.

Из этого ответа я заключаю, что Фульк Эфринель, безусловно, не будет тем попутчиком, о котором я мечтал. Он должен продавать свои товары, а я не собираюсь их покупать.

Теперь мне ясно, что за время долгого пути между нами не возникнет никакой сердечной близости. Судя по всему, это один из тех янки, о которых можно сказать, что когда они держат доллар за зубами, то его уже оттуда не вытянешь... Да и вообще я из него не вытяну ничего стоящего.

Хоть он и сообщил мне, что является представителем торгового дома

«Стронг Бульбуль и Ко» в Нью-Йорке, но я понятия не имею, что это за фирма. А послушать этого американского дельца, поневоле покажется, что весь мир должен быть осведомлен о процветании торгового дома «Стронг Бульбуль и Ко». Как же так могло получиться, что я, репортер, в чьи обязанности входит знать обо всем понемногу, проявил такое невежество?

Чувствуя себя пристыженным, я собрался уже подробно расспросить Фулька Эфринеля, чем занимается его фирма, но тут он сам обратился ко мне:

– Скажите, господин Бомбарнак, а вы бывали когда-нибудь и Соединенных Штатах?

– Нет, господин Эфринель, не приходилось.

– А вы собираетесь когда-нибудь в нашу страну?

– Все может случиться.

– Так вот, когда будете в Нью-Йорке, не забудьте как следует изучить торговый дом «Стронг Бульбуль и Ко».

– Изучить?

– Да, это именно то слово.

– Хорошо, я не премину последовать вашему совету!

– И вы сами убедитесь, что это одно из самых замечательных промышленных предприятий Нового Света.

– В этом я нисколько не сомневаюсь, но не могу ли я узнать?..

– Wait a bit, господин Бомбарнак! – с воодушевлением подхватывает Фульк Эфринель. – Представьте себе огромный завод, просторные помещения для изготовления и сборки деталей, машину, мощностью в полторы тысячи лошадиных сил, вентиляторы, делающие шестьсот оборотов в минуту, генераторы, ежедневно пожирающие сотню тонн угля, трубу, высотой в четыреста пятьдесят футов, обширные склады для готовой продукции, которую мы распространяем в пяти частях света; одного главного

директора, двух заместителей, директора, четырех секретарей, восемь помощников секретарей, персонал, состоящий из пятисот служащих и девяти тысяч рабочих, целый легион разъездных агентов – среди них и ваш покорный слуга! – включивших в сферу своей деятельности Европу, Азию, Африку, Австралию, Америку; наконец, колоссальное количество деловых операций и годовой оборот, превышающий сто миллионов долларов! И все это, господин Бомбарнак, все это для того, чтобы изготавливать миллиарды, да, я не оговорился, миллиарды...

В эту минуту заработали автоматические тормоза, поезд стал замедлять ход, затем остановился.

– Елизаветполь!.. Елизаветполь! – разом закричали кондуктор и вокзальные служащие.

Наша беседа оказалась прерванной. Я опускаю окошко со стороны своего дивана и открываю дверцу. Очень хочется размять ноги. Фульк Эфринель выйти из вагона не пожелал.

И вот я шагаю по платформе. Вокзал прилично освещен. Человек десять пассажиров уже высадились со своей поклажей. Пять-шесть грузин топчутся на подножках вагонов.

Десять минут стоянки, в Елизаветполе, больше железнодорожное расписание не отпускает.

При первом ударе колокола я подхожу к вашему вагону, поднимаюсь к себе и с удивлением убеждаюсь, что мое место занято. Да... напротив американца уселась какая-то особа с той англосаксонской бесцеремонностью, которой нет границ, как нет границ бесконечности. Молода она или стара? Красива или уродлива? В темноте это установить невозможно. Но как бы там ни было, французская галантность не позволяет мне спорить из-за места, и я сажусь рядом с незнакомкой, которая даже не находит нужным извиниться.

А Фульк Эфринель между тем успел заснуть, оставив меня в неведении, какие именно изделия фабрикует миллиардами и поставляет всему миру знаменитая фирма «Стронг Бульбуль и Ко» в Нью-Йорке...

Поезд трогается. Елизаветполь остается позади. Что же увидел я в этом прелестном городке с двадцатью тысячами жителей, расположенном в ста семидесяти километрах от Тифлиса на

Ганжачае, притоке Куры, в городке, который, следуя своему обычному методу, я предварительно успел изучить?..

Где они, утопающие в зелени кирпичные домики, где развалины старинных зданий, где красивая мечеть, построенная в начале XVIII века, как выглядит Майданская площадь? Мне едва удалось разглядеть в полутьме верхушки высоченных платанов – гнездовые ворон и дроздов, источник тени и прохлады в знойные летние дни. А на берегах бурной речки, несущей свои серебристые воды вдоль главной улицы города, я заметил несколько домов с палисадниками, похожими на зубчатые крепости. В памяти моей остались лишь какие-то неясные контуры, едва различимые сквозь клубы пара, извергаемые нашим локомотивом. Но почему эти строения выглядят так, будто они готовы к обороне? Да потому, что Елизаветполь подвергался частым набегам ширванских лезгин-горцев, которые, если верить источникам, ведут свое начало еще от гуннов времен Аттилы (предводитель гуннов, центральноазиатских племен, вторгшихся в Европу в V веке).

Было около полуночи. Мною овладела усталость, клонило ко сну, но как опытный репортер я решил, что буду спать одним глазом и одним ухом.

Все же я впал в дремоту, которую навеивает равномерный стук колес, прерываемый пронзительными свистками, лязгом буферов при уменьшении скорости и оглушительным грохотом, когда встречаются два поезда. К тому же во время коротких остановок громко объявляются названия станций и с металлической резкостью хлопают двери.

Так я слышал, как называли Геран, Евлах, Ляки, Уджары, Курдамир, затем Карасу, Наваги... Я тянулся к окну, но ничего не мог увидеть, ведь я был бесцеремонно вытеснен со своего места в углу.

И я начинаю ломать голову, что же скрывается за этим ворохом вуалеток, накидок и юбок, занимающих мое место. Но вопрос остается без ответа. Будет ли эта пассажирка моей попутчицей до самого конца Великого Трансазиатского пути? Обменяюсь ли я с ней дружеским поклоном на улицах Пекина?.. Затем от спутницы мысли мои переносятся к спутнику, который храпит в своем углу с такой невероятной силой, что мог бы смело заменить один из

вентиляторов в торговом доме «Стронг Бульбуль и Ко». Но что же, черт возьми, производится на этом колоссальном предприятии Соединенных Штатов Америки? Железные или стальные мосты, локомотивы, броневые плиты, паровые котлы или рудничные насосы? Из того, что мне рассказывал американец, у меня сложилось представление о промышленном гиганте, который может соперничать с заводами Крезо, Кокерилля или Эссена. Если только этот Фульк Эфринель ничего не приврал, ведь он совсем не похож на тех, кого в его стране называют «зелеными».

Но вскоре я погружаюсь в сон, забываю обо всем на свете и даже не слышу храпа моего янки. Тем временем поезд приходит на станцию Аляты, делает десятиминутную остановку, отправляется дальше, а я ничего этого не слышу.

Какая досада! Ведь Аляты – маленький портовый город, откуда я мог бы окинуть первым взглядом Каспийское море, увидеть места, по которым проходила армия Петра Великого... Добавить еще немного сведений из Буйе и Ларусса (издатели энциклопедических словарей) и хватило бы материала на два столбца историко-фантастической хроники... Впрочем, чтобы дать толчок моему воображению, вовсе не обязательно было посетить эту страну и ее столицу.

Баку! Баку!..

Меня разбудили крики.

Было семь часов утра. Romanlar